

Редакційна колегія:

М.М. Олійник (головний редактор), професор, доктор іст. наук
О.І. Айбабін, професор, доктор іст. наук
В.С. Аксьонов, канд. іст. наук
К.В. Бондар (відп. секретар), канд. філол. наук
О.Б. Бубенок, ст. наук. співр., доктор іст. наук
О.Б. Головка, доктор іст. наук
М.Ф. Дмитроченко, професор, доктор іст. наук
Ю.М. Кочубей, ст. наук. співр., канд. філол. наук
Л.В. Матвєєва, професор, доктор іст. наук
В.В. Міхеєва, ст. наук. співр., канд. іст. наук
В.Я. Петрухін, професор, доктор іст. наук
А.В. Скоробогатов, доцент, доктор іст. наук
С.Б. Сорочан, професор, доктор іст. наук
О.О. Тортіка (заступник головного редактора), доцент, доктор іст. наук
О.І. Уткін, професор, доктор іст. наук
О.О. Хамрай, ст. наук. співр., канд. філол. наук

Склад ред. колегії затверджено на засіданні Вченої ради Інституту сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАН України 15 жовтня 2009 р. (протокол № 4) та Вченої ради Міжнародного Соломонового університету 29 вересня 2009 р. (протокол № 8).

Затверджено до друку Вченою радою Інституту сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАН України 26 листопада 2009 р. (протокол № 5) та Вченою радою Міжнародного Соломонового університету 24 листопада 2009 р. (протокол № 10).

Хазарский альманах / Ред. кол.: Н.Н. Олейник (гл. ред.), А.И. Айбабин, В.С. Аксенов и др. Харьков – Киев – 2009. – Т. 8. – 320 с.

(Свідоцтво про державну реєстрацію: серія KB, № 14552-3523р від 02.10.2008)

Том містить матеріали, присвячені пам'яті видатного українського вченого – історика, археолога, сходознавця, засновника "Хозарського альманаху" та Міжнародного центру хозарознавства, доктора історичних наук, професора Володимира Кузьмича Міхеєва.

ISBN 978-966-7950-51-4

© Інститут сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАНУ, 2009
© Міжнародний центр хозарознавства
Східноукраїнської філії МСУ, 2009

О.Б. Бубенок, В.С. Аксенов

КТО ОБИТАЛ В СУХОЙ ГОМОЛЬШЕ В ХАЗАРСКОЕ ВРЕМЯ?

В настоящее время в хазарской археологии существует еще немало нерешенных вопросов, которые возникли в последние десятилетия в результате раскопок памятников так называемой "салтовской культуры" в степи и лесостепи Восточной Европы. Пожалуй, наиболее спорным из них является определение происхождения и этнической принадлежности обитателей комплекса хазарского времени возле с. Сухая Гомольша под Харьковом.

О существовании нового памятника салтовской культуры возле с. Сухая Гомольша Змиевского р-на Харьковской обл. ученые узнали благодаря исследованиям, которые проводились Средневековой экспедицией Харьковского университета в 1969, 1973–1982 гг. под руководством В.К. Михеева. В результате этих раскопок была вскрыта площадь 7000 м², на которой было исследовано городище, селище и могильник салтовской культуры с обрядом трупосожжения. Кроме того, там же были обнаружены могильники пеньковской и бондарихинской культур с обрядом трупосожжения, а также селище пеньковской культуры [Михеев, 1985, с. 6]. К числу наиболее примечательных объектов салтовской культуры возле с. Сухая Гомольша следует отнести городище, которое располагалось вблизи от Северского Донца, в бассейне речки Гомольши – левого притока Донца, на узком мысе длиной 312 м. Общая площадь городища равна 2 га и это при том, что оно было разделено на три части. Городище с напольной стороны было окружено рвом и валом, которые были сооружены еще в скифскую эпоху, но продолжали использоваться для обороны и в хазарское время. Центральная и северная части городища объединены по периметру единой системой укреплений в виде каменной стены. Вторая, внутренняя, линия обороны также состояла из каменной стены и рва. Аналогичным способом строилась и внешняя оборонительная стена шириной 2–2,5 м, которая соединяла поперечные стены в единый комплекс каменной крепости. По словам исследователя этого памятника В.К. Михеева, "данный способ сооружения стен характерен для Северо-Западной Хазарии и применялся салтовцами" [Михеев, 1985, с. 7–8]. К востоку от городища, на высоком плато, располагалось

селище салтовской культуры, где было исследовано несколько однокамерных жилищ, которые были незначительно углублены в землю и в ряде случаев имели печи-каменки [Михеев, 1985, с. 8].

Несмотря на это, наибольшее внимание исследователей привлек связанный с городищем и селищем кремационный могильник, столь нетипичный для салтовской культуры. В течение нескольких лет автор раскопок В.К. Михеев периодически публиковал результаты раскопок Сухогомольшанского могильника в археологических изданиях СССР [Михеев, 1974; Михеев, 1975; Михеев, 1976]. Немало страниц Сухогомольшанскому комплексу, в особенности кремационному могильнику салтовской культуры, было уделено в его монографии “Подонье в составе Хазарского каганата” [Михеев, 1985, с. 8–11]. Сухогомольшанскому могильнику также была посвящена большая статья В.К. Михеева, опубликованная в журнале “Советская археология” в 1986 г. [Михеев, 1986, с. 158–173]. Однако интерес к кремационному могильнику салтовской культуры из Сухой Гомольши был настолько велик в научном мире, что результатом этого стала совместная монография В.К. Михеева и В.С. Аксенова “Сухогомольшанский могильник VIII–X вв.”, опубликованная 2006 г. в пятом томе “Хазарского альманаха” [Аксенов, Михеев, 2006].

Исследователь могильника В.К. Михеев отметил, что могильник находился возле городища и селища салтовской культуры у с. Сухая Гомольша и, следовательно, был оставлен обитателями этих поселений. Могильник находился на слегка покато́м склоне глубокой балки и был окружен рвом. За ограничительным рвом было обнаружено место, где кремировались умершие – оно представляло собой “зольник” серповидной формы. Характерной особенностью могильника Сухая Гомольша, которая отличает его от других погребальных комплексов салтовской культуры, является малоизвестный для памятников хазарского времени обряд трупосожжения на стороне. Кроме захоронений на могильнике было обнаружено 17 поминальных комплексов вещей в так называемых “тайничках”. По способу захоронения остатков кремации все захоронения были разделены на урновые (138) и безурновые (179). Захоронения этих двух типов располагались на территории могильника без определенной закономерности. Безурновые захоронения, которые численно преобладали на могильнике, были совершены в ямах круглой, эллипсовидной, прямоугольной с закругленными углами формы. В зависимости от площади

могильной ямы и количества остатков кремации безурновые захоронения были разделены исследователями на четыре вида. Что же касается урновых захоронений, то в зависимости от положения урны (поставлена вверх дном над остатками кремации или остатки помещены в саму урну), наличия подстилки или крышки и т. п. они разделены на восемь видов. На площади могильника удалось проследить участки с высокой плотностью захоронений и пустые участки без погребений. В результате этого В.К. Михеев выделил на могильнике шесть территориальных групп: I – северную, II – западную, III – юго-западную, IV – центральную, V – восточную, VI – южную. На основании этого исследователи могильника отметили, что существование разных погребальных традиций у населения, оставившего данный могильник, может являться свидетельством сложности этнокультурной структуры сухогомольшанской общины [Аксенов, Михеев, 2006, с. 72–92; Михеев, 1986, с. 158–173].

Найденный на могильнике инвентарь также представляет немалый интерес. Исследователи памятника обратили особое внимание на большое количество сельскохозяйственных и ремесленных орудий. Так, здесь были обнаружены железные ножи, серпы, косы, тесла-мотыжки, хозяйственные топоры, долото, ручные резцы, пружинные ножницы, котлы. Были обнаружены также пряслица из глины и свинца, игольники из кости или бронзы, костяная горловина бурдюка и т.п. Все эти находки позволяют говорить, что во второй половине VIII – IX в. население Сухой Гомольши вело оседлый образ жизни и занималось как земледелием, так и ремеслами. Однако скотоводческие и военные традиции в сухогомольшанской общине были довольно сильны. Об этом может свидетельствовать другая группа находок. Так, на могильнике были найдены предметы конского снаряжения: удила, соединители ремней оголовья, фигурные подвески к конскому оголовью, бронзовый конский начальник, сбруйные пряжки, железные оковки лук для седел, сбруйные соединители, стремяна, украшения ремней конской сбруи и т. п. Найденное при конском снаряжении оружие также может свидетельствовать, что обитатели Сухой Гомольши принадлежали к наиболее привилегированному в Хазарском каганате роду войск – кавалерии. На могильнике были найдены в значительном количестве сабли, топоры-чеканы, наконечники копий, обушки от кистеней, разнообразные по форме наконечники стрел, металлические детали колчанов, костяные

накладки от луков. В результате создается впечатление, что несение воинской службы было одной из основных функций мужского населения Сухой Гомольши. К тому же, найденные здесь предметы одежды и украшения (бронзовые пуговицы, бубенчики, железные фибулы, фрагменты цепочек, поясные пряжки и бляшки, поясные разделители, подвески-обереги, “туалетные” коробочки, серьги, пронизи, разнообразие бусы, перстни, браслеты), а также предметы туалета (зеркала, копоушки, пинцеты, туалетная ложечка) могут свидетельствовать о том, что население Сухой Гомольши в хазарское время было отнюдь не бедным. Обнаруженная на месте захоронений керамика была представлена несколькими видами: кухонная керамика пяти типов, подправленная на гончарном круге; тарная керамика в виде амфор причерноморского типа; кухонные горшки кочевнического облика. При этом исследователи могильника обратили внимание, что изготовленные на гончарном круге горшки относились к керамике салтовского типа. На основании анализа вещевого материала и стратиграфии могильника исследователи датировали локальные группы могильника следующим образом: I – середина VIII – середина IX вв.; II – вторая половина VIII в.; III – VIII – начало IX вв.; IV – вторая половина VIII в.; V – конец VIII – середина IX вв.; VI – середина – третья четверть IX в. [Аксенов, Михеев, 2006, с. 93–169]. Если охарактеризовать жителей Сухой Гомольши как население с давними земледельческими традициями или как недавно осевших кочевников, то предпочтение, скорее всего, придется отдать последнему предположению.

Казалось бы, для определения происхождения жителей Сухой Гомольши невозможно привлечь изыскания антропологов, ибо обряд кремации не может оставлять оптимизма на этот счет. Однако для захоронения № 122 это оказалось возможным, потому что сохранилась лицевая часть черепа погребенного после сожжения мужчины. По данным А. Малиновского и В.К. Михеева, ситуация выглядит следующим образом: “Сохранившаяся лицевая часть черепа мужчины из погребения № 122 позволила установить показатели глазных впадин – 68,1 (низкая глазница) и носа – 56,0 (широконосый индивид), значения которых показывают, что черты черепа приближены к лапоноидному типу, тем более, что индивид был низкого роста. В 16 случаях определены категории роста: 2 низких индивида, 10 среднего роста и 4 высоких” [Malinowski, Mischejew, 1981, s. 155; Аксенов, Михеев, 2006, с. 171]. Естественно,

что такие данные краниологических измерений, хотя и весьма фрагментарные, не позволяют согласиться с существующими гипотезами относительно происхождения и этнической принадлежности обитателей поселения возле с. Сухая Гомольша в хазарское время.

Исследователи уже давно обратили внимание, что в бассейне Северского Донца и на сопредельных территориях были выявлены кремационные могильники хазарского времени, аналогичные Сухогомольшанскому. Так, еще в 1936 г. И.Ф. Левицким возле с. Новая Покровка на левом берегу р. Уды, правом притоке Северского Донца, был открыт и частично исследован кремационный могильник (14 захоронений). Исследование могильника продолжил в 1949 г. Ю.В. Кухаренко, которому удалось исследовать шесть погребений по обряду трупосожжения и два "тайника" с предметами вооружения и конского снаряжения [Кухаренко, 1952]. Ю.В. Кухаренко сразу же связал новопокровские захоронения с комплексом у с. Тополи под Харьковом, обнаруженном еще в XIX в. [Кухаренко, 1951, с. 105]. Аналогичный Сухогомольшанскому кремационному могильнику погребальный комплекс в 1977 г. был также обнаружен в пойме р. Большая Бабка (правом притоке Северского Донца) возле с. Пятницкое. В одном из захоронений было найдено оружие, предметы конского снаряжения и надочажная цепь [Буйнов, Дьяченко, Шрамко, 1978, с. 34; Шрамко, 1983]. Спустя некоторое время исследование этого могильника продолжил В. К. Михеев, который на склоне одной из дюн обнаружил 6 ямных трупосожжений, которые находились "в салтовском культурном слое". Рядом были раскопаны синхронные грунтовые ингумационные погребения салтовского типа (5), ориентированные с северо-запада на юго-восток. Все это дало основания В.К. Михееву прийти к выводу, что "могильник у с. Пятницкое является двуобрядовым" [Михеев, 1985, с. 11]. Такой же биритуальный могильник салтовской культуры В.К. Михеев обнаружил и исследовал в 80–90-е гг. XX в. возле с. Красная Горка Балаклейского р-на Харьковской обл. В течение нескольких сезонов было обнаружено и исследовано 310 погребений, из которых 121 было совершено по обряду трупосожжения и 189 – по обряду трупоположения [Михеев, 1990]. Кроме того, в середине 80-х гг. XX в. при раскопках поселения бондарихинской культуры у с. Вербовка Балаклейского р-на Харьковской обл. С.В. Воловик обнаружил несколько кремационных захоронений салтовского

типа, которые содержали инвентарь, представленный оружием и конским снаряжением. Был обнаружен также “тайник” с предметами вооружения и конским снаряжением [Аксенов, Воловик, 1999].

Следует отметить, что на территориях, находящихся на определенном расстоянии от Сухой Гомольши, но входящих в ареал распространения салтовской культуры, были обнаружены памятники, которые весьма проблематично можно отнести к кремационным захоронениям салтовской культуры¹. Это касается прежде всего “могильника №2”, который В.К. Михеев обнаружил в районе с. Маяки Донецкой обл. По словам В.К. Михеева, для этих погребений “характерны обряд трупосожжения и наличие комплексов отдельно сложенных вещей в тайниках” [Михеев, 1985, с. 16–17]. Позднее В.С. Аксенов, проанализировав комплексы №№ 34, 39, 53, обнаруженные на территории Маяцкого селища, пришел к выводу, что их нельзя считать погребениями по обряду трупосожжения. По мнению исследователя, характер заполнения, конструкция ям, состав и состояние инвентаря в них указывают, что в данном случае мы имеем дело с какими-то объектами хозяйственного назначения, в которых хранился разнообразный инвентарь и снаряжение коня. Обнаруженные же в данных комплексах человеческие

¹ Особый интерес могут также представлять отдельные захоронения хазарского времени на территории Киева. Так, в свое время М. К. Каргер обратил внимание на найденные в конце XIX в. на ул. Прорезной катакомбы, но с трупосожжениями. По словам исследователя, ситуация выглядела следующим образом: “Могилы этой группы были вырыты в виде небольших пещерок, в которых под низким сводом поставлены горшки с пеплом и обожженными костями. Свод и боковые стенки этих могил были начисто вымазаны глиной, и обмазка эта обожжена.” Найденные в этих захоронениях вещи (куски распиленных оленьих рогов, оселок из песчаника, пряслица (?), серьги из серебряной проволоки, фрагменты глиняных амфор и т. п.) не вносят ясности в вопрос, к какой культуре следует отнести эти находки. М. К. Каргер склонен был отнести их к памятникам салтовской культуры и привел следующие аргументы: «Характер устройства могил “в виде пещерок, под низким сводом которых поставлены горшки с пеплом и обожженными костями”, позволяет высказать предположение: не было ли здесь какого-либо могильника салтовского типа? Что такое предположение не лишено оснований, подтверждает находка на территории Киева погребения, при котором был найден горшок, сходный с керамикой Верхне-Салтовского могильника. При этом следует подчеркнуть, что для погребений салтовского типа характерно трупоположение, а не сожжение» [Каргер, 1958, с. 136–137]. Действительно, симбиоз погребальных традиций на этих памятниках в Древнем Киеве требует объяснения. Однако у нас нет никаких оснований отнести эти кремации к погребальным памятникам салтовской культуры. Поэтому данный вопрос не входит в тему настоящего исследования.

останки (черепя, отдельные кости скелета), по-видимому, следует рассматривать как свидетельства каких-то трагических событий, произошедших в жизни населения данного поселения – захоронение жертв гражданской войны в каганате (начало IX в.) или же погрома середины X в. [Аксенов, 2003, с. 66, 67].

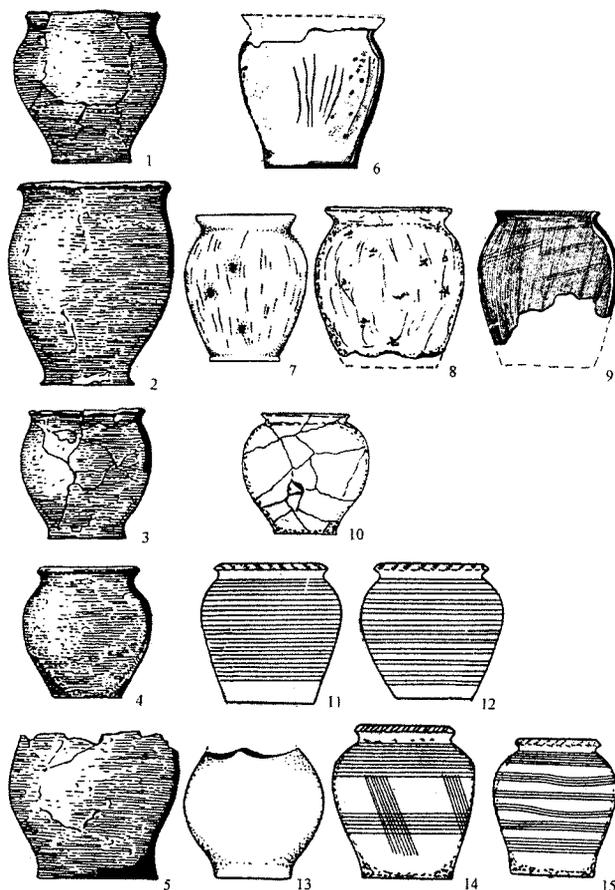

Рис. 1. Керамика из кремационных захоронений Дмитриевского и Сухогомольшанского могильников:

1 – 5 – сосуды из кремаций Дмитриевского могильника (1 – погр. № 2; 2 – погр. № 3; 3 – погр. № 4; 4 – погр. № 6; 5 – погр. № 7);
 6 – 15 – сосуды из кремаций Сухогомольшанского могильника (6 – погр. № 70; 7 – погр. № 80; 8 – погр. № 185; 9 – погр. № 82; 10 – погр. № 235; 11 – погр. № 129; 12 – погр. № 138; 13 – погр. № 51; 14 – погр. № 167; 15 – погр. № 104)

К этому следует добавить, что в бассейне Северского Донца на территории Дмитриевского катакомбного могильника, на его южной и юго-восточной окраине, было обнаружено девять погребений, совершенных по обряду трупосожжения. По наблюдениям исследователя памятника С.А. Плетневой, эти захоронения не относились к дохазарскому времени и были не только синхронны катакомбам IX в., но одно захоронение даже перерезало дромос одной из катакомб, т. е. являлось более поздним. Тем не менее, С.А. Плетнева отнесла эти кремации к более ранней, чем салтовская, пеньковской культуре, несмотря на то, что только два горшка биконической формы из этих кремационных захоронений (№№ 1, 5) действительно напоминали пеньковскую посуду [Плетнева, 1972; Плетнева, 1989, с. 259]. Материалы Сухогомольшанского могильника показали, что сосуды из кремационных захоронений № 2, 3, 4, 7, 8 Дмитриевского могильника по форме и пропорциям вполне сопоставимы с некоторыми лепными кухонными сосудами из захоронений могильника Сухая Гомольша (№ 51, 70, 82, 129, 138, 169, 185, 235 и др.) (Рис. 1). Сухогомольшанские сосуды от дмитриевских отличаются в некоторых случаях только типичным салтовским орнаментом – пророчерченные линии по тулову, выполненные при помощи зубчатого штампа. В то же время большинство лепных сосудов из кремаций Дмитриевского могильника находят почти полные аналогии в коллекции лепных сосудов Пастырского городища датированного серединой / последней четвертью VII в. – серединой VIII в. [Приходнюк, 2005, рис. 75: 1, 2; 76; 78; 80: 1; 81: 2]. Материалы Пастырского городища отражают сахновский этап развития культуры раннесредневекового населения украинской лесостепи. Распространение власти Хазарского каганата в первой половине VIII в. на земледельческое население Днепровского лесостепного Левобережья вполне могло привести к появлению носителей “сахновской” культурной традиции среди носителей салтовской культуры Подонья. Подтверждением этого могут служить как некоторые погребения по обряду трупосожжения на Дмитриевском катакомбном могильнике, так и часть кремаций Сухогомольшанского могильника. Факты присутствия в составе салтовских общин Подонцовья выходцев из иной этнокультурной среды (например, славян) подтверждают последние открытия на некрополях региона [Аксёнов, 2003, с. 95–102; Аксенов, Лаптев, 2009]. В связи с этим имеет резон вспомнить замечание

О.М. Приходнюка, согласно которому "наиболее вероятно, что Пастырское городище разгромили и разграбили хазары", что должно было иметь место во второй половине VIII в. [Приходнюк, 2005, с. 98]. Следовательно, часть этого населения могла быть переселена в бассейн Северского Донца после походов хазар на земли Днепровского Правобережья.

Именно находки трупосожжений салтовской культуры, эталонными для которых являются захоронения из Сухой Гомольши, на территории, где в предхазарский период имели распространение памятники пеньковской культуры, заставил исследователей считать Сухогомольшанский комплекс славянским. Этому способствовало распространение также трупосожжений среди носителей пеньковской культуры и близость земель, населенных в хазарское время славянскими племенами. Версии о славянской принадлежности салтовских кремаций в бассейне Северского Донца в свое время придерживались Г.Е. Афанасьев, В.К. Михеев, С.А. Плетнева и некоторые другие исследователи [Афанасьев, 1987, с. 153; Михеев, 1991, с. 44; Плетнева, 1972, с. 108–118]. В.К. Михеев и В. С. Аксенов в своей монографии "Сухогомольшанский могильник VIII–X вв." довольно подробно и убедительно показали, почему трупосожжения из Сухой Гомольши нельзя связывать только со славянами, потомками носителей пеньковской культуры. Часть погребений могильника, по их мнению, была оставлена потомками пеньковского и колочинского (смешанного славяно-иранского и славяно-балтского) населения, часть принадлежала представительницам угорского этноса, а часть – выходцам из праболгарской (тюрко-угорско-иранской) среды, где последние в сложившемся сообществе занимали ведущее положение в военной и социальной структуре данной общины [Аксенов, Михеев, 2006, с. 176–187].

В связи с этим имеет смысл обратить внимание на то, что в 1977 г. В.К. Михеев исследовал вблизи с. Сухая Гомольша также поселение пеньковской культуры. Особый интерес представляют выводы В.К. Михеева и О.М. Приходнюка в совместной статье, посвященной данному памятнику. В частности, исследователи отметили: "... слід констатувати відсутність слідів контактів між пеньківським і салтівським населенням. Незважаючи на те, що на поселенні Суха Гомольша існує салтівський культурний шар та розкопано об'єкти цієї культури, салтівська кераміка практично відсутня в пеньківських

споруках. Поодинокі салтівські черепки трапляються лише в верхніх шарах заповнень (житло № 4, яма № 41). Цей факт свідчить про різночасовість пеньківського і салтівського поселень із Сухой Гомольші” [Міхеев, Приходнюк, 1986, с. 81].

В.К. Михеев и В.С. Аксенов в своей монографии “Сухогомольшанский могильник VIII–X вв.” отметили, что существенной отличительной чертой сухогомольшанских кремационных погребений от славянских является “наличие в погребениях предметов вооружения, элементов конского снаряжения, которые находились как среди пережженных человеческих костей, так и в расположенных рядом с погребениями “тайничках” [Аксенов, Михеев, 2006, с. 181]. Именно данная особенность позволяет связать обитателей Сухой Гомольши не с земледельческим, а с кочевым военизированным обществом. Поэтому особый интерес представляет гипотеза В.К. Михеева об угорском происхождении части населения Сухой Гомольши. Это предположение В.К. Михеева нашло довольно детальное обоснование в упомянутой монографии: “В связи с тем, что, как часть сакрализованного комплекса личных украшений и оберегов женского костюма, шумящие коньковые подвески вряд ли могли служить предметом торговли или обмена, они свидетельствуют о возможном присутствии в составе сухогомольшанской общины представительниц угорского этноса.... Отчасти это подтверждают и данные антропологии.... Вероятно, с угорским этносом следует связывать не только кремации, содержащие коньковые шумящие подвески, а и захоронения в ямах, ориентированных по линии Север – Юг. Именно такая ориентировка могильных ям характерна для финно-угорского населения Поволжья. Для этого же населения свойственно использование и таких специфических изделий, как сьлгамы, одна из которых обнаружена в погребении № 272 могильника Сухая Гомольша” [Аксенов, Михеев, 2006, с. 182–183]. Однако данная гипотеза В.К. Михеева не получила широкой поддержки у исследователей, потому что ближайшие аналогии Сухогомольшанскому могильнику были найдены на территориях, значительно удаленных от проживания основного массива финно-угров.

Так, исследователи отметили, что некоторые могильники Северо-Западного Кавказа имеют общие черты, сближающие их с кремациями Сухогомольшанского могильника. Прежде всего,

следует отметить некоторые погребения Борисовского могильника близ Геленджика, на Северо-Западном Кавказе, который исследован В.В. Сахановым около ста лет назад и им же был продатирован на основе нумизматического материала как V–VII вв., так и IX в. Для данного некрополя была характерна биритуальность погребального обряда. Для нас особый интерес представляют "10 грунтовых ям с сожженными костями (№№ 80, 94, 97, 105, 109–111, 131–133), 7 случаев погребения одних вещей в грунтовой яме (№№ С, 92а, 116, 134, 141, 143 и 144)". Инвентарь, обнаруженный в этой группе погребений, резко отличает их от других групп захоронений Борисовского могильника. Здесь были обнаружены сабли (погр. №№ 144, 134, 144), наконечники стрел (погр. № 134), стремяна (погр. №№ 134, 144), удила (погр. № 134, 144), железные пряжки (погр. №№ 134, 143), железные щипчики (погр. №№ 105, 134), железные серпы (погр. № 134), железная цепь особой конструкции (погр. № 134) и т. п. На основании этих находок В. В. Саханов пришел к выводу, что инвентарь из отмеченной группы захоронений имеет прямые аналогии на Верхнесалтовском могильнике, и датировал третью часть Борисовского могильника IX веком [Саханов, 1914, с. 75–219].

Однако картина была бы не полной без упоминания могильника Дюрсо, расположенного близ Новороссийска. Как и Борисовский, могильник Дюрсо является биритуальным: здесь представлены более ранние труположения в грунтовых ямах и более поздние трупосожжения. Для нас особый интерес представляют последние, которых было 173 и они располагались двумя компактными группами в западной и юго-западной частях могильника. Кремации могильника Дюрсо представляют небольшие кучи пережженных костей, рядом с которыми были сложены предметы, которые несут следы пребывания в огне. Необходимо отметить, что кремации совершались на стороне. При этом оружие, орудия труда, кухонные принадлежности часто приводились в негодность. Рядом с захоронениями ставились сосуды (кувшины, кружки) из красной и серой глины. Особо интересен инвентарь могильника, представленный металлическими серьгами, браслетами, оружием (наконечники стрел, наконечники копий, боевые топоры, сабли, кинжал, кистень, ножи), орудиями труда (складные серпы, рабочие топоры, пилы и напильники, пряслица) и т. п. Исследователь могильника А.В. Дмитриев на основе анализа инвентаря продатировал трупосожжения могильника Дюрсо VIII–IX вв. Он

же нашел им прямые аналогии: “Могильники четвертого периода Дюрсо с таким же набором инвентаря хорошо известны на Северском Донце ... и в Предкавказье – у аула Казазово, станицы Молдаванской и др. ... Причем часто их сходство можно считать абсолютным” [Дмитриев, 2003, с. 200–205]. Таким образом, нет сомнений в том, что кремационные могильники типа Дюрсо на Северо-Западном Кавказе и Сухая Гомольша на Северском Донце оставили близкородственные этнические группы.

Как отметил А.В. Дмитриев, кремационный раннесредневековый могильник Дюрсо – не единственный на Северо-Западном Кавказе. Анализируя ситуацию в Северо-Западном Причерноморье, А.В. Пьянков пришел к следующим выводам: “В VIII в. происходит частичная смена населения, отразившаяся в распространении в отдельных районах нового погребального обряда. На анапско-геленджикском побережье в Западном Закубанье, вплоть до устья реки Псекупс, выявлено 20 могильников с кремациями второй половины VIII – IX веков. Эти могильники занимают компактную территорию. Ее северной границей служила река Кубань, южной – Северные склоны Кавказского хребта, западной – берег Черного моря, а восточной – река Псекупс. Кремации, распространившиеся в регионе, резко отличаются по основным деталям обряда от предыдущих, и не связаны с ними происхождением. Для второй группы сожжений присущи такие черты погребального обряда, как сожжение инвентаря вместе с покойником, обязательная ритуальная порча инвентаря, устройство небольших и неглубоких могильных ям, помещение инвентаря в тайничках и отдельных ямках, присутствие в погребениях большого количества оружия и деталей снаряжения боевого коня и т. д. Для этой группы кремаций не характерны захоронения лошадей” [Пьянков, 2001, с. 204]. Исследователь также отметил, что “сожжения типа Дюрсо по материальному облику близки кругу салтово-маяцких древностей, и находят многочисленные аналогии погребальному обряду и инвентарю в материалах синхронных им могильников бассейна Северского Донца (кремации типа Новопокровки)” [Пьянков, 2001, с. 205]. Еще в 1996 г. А.В. Пьянков и В.О. Тарабанов эти сходства на кремационных могильниках бассейна Северского Донца и Северо-Западного Кавказа объясняли “общностью происхождения” населения, их оставившего. Что же касается некоторых отличий, то упомянутые исследователи объяснили это “проживанием племен –

носителей кремационного обряда, после расселения, в различном этнокультурном окружении" [Пьянков, Тарабанов, 1996, с. 64]. И.О. Гавритухин и А.В. Пьянков появление в Северо-Восточном Причерноморье кремационных погребальных памятников типа Дюрсо объясняли следующим образом: «К началу собственно "салтово-маяцкого времени" полностью пропадают ингумации в Дюрсо, оформляется структура III группы погребений в Борисово. Все это совпадает с эпохой новых потрясений и изменений среди подвластных хазарам народов на протяжении второй трети VIII в. (пик борьбы с арабским натиском, переселение части алан в лесостепь и др.). По-видимому, и на "зихской" границе каганат проводил "стабилизационные" мероприятия» [Гавритухин, Пьянков, 2003, с. 198–199]. К этому следует добавить, что на Северо-Западном Кавказе и в послехазарский период, до XIV в., продолжали бытовать трупосожжения, но уже в новых условиях кремации стали совершать под курганными насыпями [Армарчук, Дмитриев, 2003, с. 216].

Относительно же этнической атрибуции обитателей Дюрсо в хазарское время среди исследователей были высказаны различные мнения. Наиболее популярным стало предположение А.В. Пьянкова о "касожском" (адыгском) происхождении носителей кремационного обряда на Северо-Западном Кавказе. Основанием для этого стали сведения средневековых авторов о проживании в данном районе в первой половине X в. касогов [Пьянков, 2001, с. 204–205]. Именно поэтому Г.Е. Афанасьев связал появление кремационных захоронений в бассейне Северского Донца в хазарское время с переселением сюда с Кавказа абхазо-адыгского населения [Афанасьев, 2001, с. 53]. Однако сторонники этой гипотезы забывают о том, что на Северном Кавказе кремация не является местной традицией, а представляет собой инновацию, появившуюся здесь лишь в раннее средневековье. К тому же инвентарь из Дюрсо и Сухой Гомольши свидетельствует о связи с кочевым миром, а адыги, как известно, были оседлым населением.

В среде исследователей уже давно получило поддержку мнение А.В. Гадло относительно состава населения, которое проживало вблизи крепостей на западной границе Хазарского каганата, включая С-м-к-р-ц на Таманском полуострове: "...можно полагать, что эти крепости были окружены коренным населением тех областей, в которых они находились, хотя внутри них правительство держало

гарнизоны иноплеменных наемников” [Гадло, 1994, с. 28]. Вопрос в том, кто были эти наемники?

В последнее время А.В. Дмитриевым была высказана, и не без оснований, довольно интересная гипотеза относительно центральноазиатского происхождения населения, оставившего могильники в Дюрсо и в Сухой Гомольше. Исследователь отметил, что цепь подобных погребений тянется на восток, до Алтая и Минусинской котловины, где подобные памятники увязываются с некоторыми группами населения Южной Сибири (тюрками, хакасами, енисейскими кыргызами). Ситуацию он представляет следующим образом: “В середине VIII века в связи с завоеваниями арабов и уйгуров в Южной Сибири складывается напряженная военно-политическая обстановка. Возможно, какая-то тюркоязычная группа, хоронившая умерших по обряду трупосожжения, в это время переместилась в пределы Хазарского каганата и на какое-то время осела на Харьковщине. Вторая группа откочевала на Северо-Западный Кавказ, где их памятники открыты в основном в районе Новороссийска (в Дюрсо эту культуру мы видим еще в сравнительно чистом виде). В Борисовском могильнике наряду с трупосожжениями в ямках уже хорошо прослеживается смешение местной традиции (захоронения в каменных ящиках) и пришлого обряда (трупосожжения). Позже в эти края приходит новая волна кочевников, оставившая трупосожжения в урнах под небольшими курганами, часто с захоронением коней” [Дмитриев, 2009].

Однако политическая ситуация в Центральной Азии в середине VIII в. была несколько иной. Следует обратить внимание на последние выводы С.Г. Кляшторного, согласно которым в 744 г. в Центральной Азии пал Второй Тюркский каганат, что “создало в степи политический вакуум”, который был заполнен лишь в 763 г. созданием Уйгурского каганата [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 110–115]. Таким образом, не было предпосылок для миграции на Запад из Центральной Азии населения, ибо политическая обстановка была спокойной. Однако это не означает, что из Центральной Азии в Восточную Европу не могли мигрировать носители обряда трупосожжения в более ранний период. К тому же следует отметить, что процесс оседания кочевников в Восточной Европе занимал довольно длительное время, а не представлял спонтанное изменение образа жизни, ибо это является закономерностью кочевого общества.

На то, что трупосожжения имели распространение в Центральной

Азии, в местах обитания древних тюрков, обратил внимание более 40 лет назад А.В. Грач в специальной статье. Он отметил, что археологические исследования, проведённые в последние годы на территории Тувы – высокогорной области, являвшейся в древности одним из основных регионов древнетюркских государств, выявили новые, не известные ранее группы тюркских памятников – погребения с трупосожжением, сочетавшиеся с поминальными комплексами. По его наблюдениям, группы эти территориально весьма удалены друг от друга: одна из них находится на границе котловины Великих Озер Монголии, у южных склонов хребта Танну-Ола, другая – вблизи отрогов Шапшальского хребта, в верховьях р. Хемчик. Группа состоит из двух примыкающих друг к другу оград, внутри которых установлены стелы (на стелах – древнетюркские изображения и знаки енисейского письма), и четырёх кольцевых выкладок. Исследования позволили обнаружить возле оград четыре идентичные кольцевые выкладки из камней, где в центре каждой из выкладок были выявлены ямки глубиной 0,10–0,50 м от горизонта, заполненные золой, в которой обнаружены обломки кальцинированных костей человека. Во всех случаях ямки были перекрыты каменными плитками. На стелах были обнаружены тюркские рунические надписи. По наблюдениям А.В. Грача, ближайшей аналогией памятникам группы Хачы-Хову являются разновысокие стелы в смежных оградах, обнаруженные на юго-востоке Тувы – в высокогорном сумоне Моген-Бурен и в Монголии – в районе озера Баян-Нур, а также комплекс, раскопанный А.В. Грачем в долине р. Хемчик. Основываясь на данных китайских хроник и собственных археологических исследований, А.В. Грач сделал следующий вывод: "... погребения с сожжением, обнаруженные к настоящему времени в Центральной Азии и относящиеся к древнетюркскому времени, распадаются на две хронологические группы. Первая из этих групп датируется, как уже указывалось, VI – первой половиной VII в. и включает памятники, оставленные центральноазиатскими тюрками. Вторая группа (кыргызская) датируется временем не ранее 840 г. н. э. и генетически не связана с первой" [Грач, 1968].

Предположение о том, что часть тюркок-тугю (восточных тюркютов) до начала VII в. придерживалась обряда трупосожжения, высказал также совсем недавно Д.Т. Савинов. Он, как и А.В. Грач, обратил внимание на описанный в "Тан шу" обряд трупосожжения

у тюрков-тугю. Несмотря на это, Д.Т. Савинов сделал весьма пессимистический вывод: “Ни одного археологического памятника, полностью соответствующего этому описанию, ни в Южной Сибири, ни в Центральной Азии до сих пор не обнаружено”. Исследователь объяснял это несколькими причинами: “1) погребения тюрков-тугю в Центральной Азии и Южной Сибири еще не открыты; 2) компилятивный характер самого источника, в котором разновременные сведения собраны в едином описании погребально-поминального цикла; 3) древнетюркская погребальная обрядность в том виде, как она зафиксирована письменными источниками, сложилась, на основе различных компонентов, представленных в археологических памятниках предшествующего времени”. По наблюдением исследователя, кочевники древнетюркского времени предпочитали обряд ингумации, а не кремации. Однако Д.Т. Савинов вынужден был отметить, что “описание погребального обряда древних тюрков письменных источников в наибольшей степени соответствует памятникам таштыкской культуры Минусинской котловины”, которая на заключительном этапе была синхронна “периоду Первого Тюркского каганата” [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 198–201].

Нам кажется, что в данной ситуации китайские авторы стремились описать обряд одного племени. Вопрос в том, какого? Поэтому имеет резон в очередной раз обратиться к этим письменным источникам. Так, китайские династийные хроники свидетельствуют о том, что на определённом этапе истории тюрков-тугю обряд трупосожжения при похоронах знатных тюрков существовал до первой трети VII в. н. э. В “Тань-шу” о погребальном обряде тюрков мы читаем следующее: “Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обою пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях, потом пред входом в палатку ножом надрезают себе лицо и производят плач; кровь и слёзы совокупно льются. Таким образом поступают семь раз и оканчивают. Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сожигают; собирают пепел и зарывают в определённое время года в могилу. Умершего осенью или зимой хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать; весной и летом хоронят когда цветы начинают развёртываться

(речь идёт о погребении остатков кремации. – О. Б.). В день похорон, так же как и в день кончины, родные предлагают жертву, скачут на лошадях и надрезают лицо. В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи. По принесении овец и лошадей в жертву до единой вывешивают их головы на вехах" [Бичурин, 1950, с. 230]. Обряд трупосожжения стал вытесняться обрядом трупоположения в первой трети VII в. Смена погребального обряда послужила даже предметом весьма резкой дипломатической переписки, когда китайский император обвинил тюркского кагана Хейли в отходе от обычаев предков [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 200–201]. Последний засвидетельствованный в хрониках факт погребения по обряду трупосожжения относится к 634 г. Об этом "Таншу" сообщает следующее: "... В восьмое лето, 634, Хейли умер. По смерти пожалован княжеским достоинством и именем Хуан. Указано вельможам похоронить его. Труп Хейлиев, по кочевому обычаю, сожжен. Могила его насыпана по восточную сторону реки Ба" [Бичурин, 1950, с. 250]. Таким образом, данная информация дает основания считать, что обряд трупосожжения имел распространение у восточных тюркютов именно в племени кагана, который принадлежал к правящей династии Ашина. В связи с употреблением названия "Ашина" имеет смысл обратить внимание на следующие наблюдения С. Г. Кляшторного: "После разгрома государства Цзюйцзюев в Хэси, ашина вместе с Ухоом и Аньчжоу бежали в Гаочан, где вскоре (после 460 г.) попали под власть жуаньжуаней и были переселены к южным отрогам Алтая. Согласно обеим легендам, только после переселения на Алтай племя приняло наименование тюрк, а старое название племени стало династийным именем правящего рода" [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 79]. Следовательно, правящее племя тюркютов в исторических хрониках могло называться не только "тюрк", но и "ашина". Данное наблюдение особенно важно потому, что непосредственное отношение к интересующим нас событиям имели не восточные, а западные тюркюты, которые должны были иметь аналогичную этно-социальную номенклатуру.

По мнению большинства исследователей, в 603 г. Первый Тюркский каганат окончательно распался на два каганата – Западный

и Восточный, где в состав первого вошли территории Средней Азии и Северного Кавказа и в состав второго – центральноазиатские владения тюркютов. После разделения значительно ослабленный Восточный каганат испытал поражение от китайской империи и быстро прекратил свое существование. Тем не менее, Западный каганат в первой половине VII в. достиг высочайшего расцвета [Гумилев 1967, с. 160; Кляшторный, Султанов, 2000, с. 90]. При Тон-ябгу-кагане (618–630 гг.) в Западном Тюркском каганате был установлен более жесткий политический контроль над зависимыми территориями, чей вассалитет к тому ограничивался лишь выплатой дани. На все подвластные кагану территории были посланы уполномоченные кагана – тудуны, а местным властителям были “пожалованы” тюркские титулы, что автоматически включало их в административную иерархию каганата. И это сближение подкреплялось брачными связями этих родов с правящей ветвью рода Ашина. Некоторые исследователи считают, что дальнейшей консолидации Западного Тюркского каганата мешало разделение собственно тюркского эля на две конфедерации – **дулу** и **нушиби**. Однако после 634 г. при Ышбари Эльтерыш Шири-кагане политическая инициатива вождей любой из десяти “стрел” (племен) была ограничена – вследствие реформ каждый вождь племени был превращен в назначаемого каганом “правителя”, и для контроля над ними назначался представитель из каганского рода – шад [Кляшторный, Султанов, 2000, с. 91–92].

То, что в Западном Тюркском каганате была не только западная ветвь родовой группы Ашина, но и возглавляемое этим кланом одноименное племя, свидетельствуют некоторые документы. Так, в свое время Л.Н. Гумилев привел фрагмент из найденного экспедицией П. Пельо географического трактата, который был написан во второй половине VIII в., очевидно, сначала на южномонгольском языке с ощутимым влиянием китайского и со временем переведен на тибетский язык [Clauson, 1957, p. 18; Vacot, 1956, s. 137–153]. По мнению Л.Н. Гумилева, ситуация, отраженная в трактате, соотносится с последними годами царствования Тон-джабгу-кагана. Если учесть определенные фонетические искажения в названиях племен и последовать за предположениями Л.Н. Гумилева, то можно увидеть, что в состав тюркского эля уже тогда входило не десять, а двенадцать племен двух крыльев западнотюркского эля [Гумилев, 1967, с. 160–161].

По наблюдениям Л.Н. Гумилева, племена в перечне представлены в следующем порядке: 1) "племя царя Азма Муганя" – ... Ашина; 2) "хале" – "бурые" (волк), гвардия тюркютских ханов; 3) "А-састе" – тюркский род Ашиде; 4) "Сар" – "сыр", то есть ведущий род племени сеяньто. Перечень заканчивается словом "дули" [Гумилев, 1967, с. 161]. В термине **дули** легко узнается обозначение для восточной конфедерации Западного Тюркского каганата – **дулу**, а в "племени царя Азма Муганя" – Ашина. По предположениям Л.Н. Гумилева, остальные племена перечислены с запада на восток, то есть большинство из них должны были принадлежать к западной конфедерации – **нушиби**. Они расположены следующим образом: 5) "Ло-лад" – аланы; 6) "Пар сел" – барсилы; 7) "Нгике" – нигю, племенное название тюрков, которые жили в давней усуньской земле на берегах оз. Балхаш"; 8) "суни" – тюркское племя в Джунгарии, на границе Восточного и Западного каганатов; 9) "джолто" – ... "тар душ" [Гумилев, 1967, с. 162]. Далее под номером "10" фигурирует племя "янь-ти", в котором Л.Н. Гумилев склонен видеть древнекитайские названия для сарматских племен Средней Азии – "Янь" и "Яньцай". Под номером "11" в списке представлено племя "хе-бдал" – эфталиты, а под номером "12" – "гар-рга-пур" – потомки Бахрама Чубина [Гумилев, 1967, с. 162].

Таким образом, мы видим, что в состав западнотюркского эля входили не только племена кочевников-тюркютов, во главе которых было племя западных Ашина, а также некочевые племена индоевропейского происхождения. Причину этого Л.Н. Гумилев объяснял тем, что в Западнотюркском каганате от самого момента его образования представители рода Ашина и возглавляемого им племени находились в абсолютном меньшинстве, в то время, как представители местных кочевых племен и оседлого населения довольно быстро признали верховенство западной ветви рода Ашина. Как следствие этого, западные Ашина включили часть этого населения в состав тюркского эля. Такая политика позволили тюркютам удерживать свою власть на пограничных территориях каганата [Гумилев, 1967, с. 163]. В конечном итоге следует отметить, что и на территории Западного Тюркского каганата, как и на землях Восточного, господствующее положение занимало племя, во главе которого стояли представители западной ветви харизматического клана Ашина. Следовательно, имеются основания предполагать, что и у них в определенное время имел распространение обряд трупосожжения.

О том, что представители главного племени западных тюркютов придавали огню очистительные ритуальные функции, свидетельствует Менандр, который описал прибытие византийского посла Зимарха в 568 г. ко двору правителя западных тюркютов: “Некоторые люди из этого племени, о которых уверяли, будто они имели способность отгонять несчастья, пришед Зимарху, взяли вещи, которые Римляне везли с собой, склали их вместе, потом развели огонь сучьями дерева ливана, шептали на скифском языке какие-то варварские слова, и в тоже время звонили в колокол и ударяли в тимпан над поклажею. Они несли вокруг ливановую ветвь, которая трещала от огня; между тем, приходя в исступление, и произнося угрозы, казалось, они изгоняли лукавых духов. Им приписывали силу отгонять их и освободить людей от зла. Отвратив, как они полагали, все несчастья, они провели самого Зимарха через пламя, и этим, казалось, они и самих себя очищали” [Менандр, 1860, с. 376–377].

К сожалению, византийские историки не оставили нам подробную информацию об обряде погребения кагана западных тюркютов. Но есть одно сообщение о завершении погребальных церемоний, совершаемых спустя некоторое время после смерти правителя. Для нас наибольший интерес представляет информация Менандра, согласно которой византийский посол Валентин, прибыв к ставке правителя западных тюрков в 576 г., узнал о смерти их правителя Дилзивула. На встречу им вышел его сын Турксанф и приказал византийцам, согласно существующей среди тюрков традиции, поцарапать ножом свои лица. Те выполнили его приказ. Далее Менандр сообщает, что в один из дней траура к Турксанфу привели четверых пленных “Унов” (гуннов. – О. Б.) для принесения в жертву с конями в честь его отца. Турксанф повелел пленным перейти в Потусторонний Мир, чтобы передать его отцу весть от тех, кто остался в живых [Менандр, 1860, с. 421–422]². Получается, что у Менандра речь идет не о днях

² Эти традиции западных тюркютов очень напоминают обычаи их восточных соплеменников, описанные китайскими авторами: “...в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сожигают; собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу. Умершего осенью или зимой хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать; весной и летом хоронят, когда цветы начинают развёртываться. В день похорон, так же как и в день кончины, родные предлагают жертву, скачут на лошадях и надрезают лицо” [Бичурин, 1950, с. 230].

смерти и сожжения, а периоде захоронения останков правителя, что могло иметь место и через несколько месяцев после его смерти и кремации. Следовательно, обряд погребения у главного племени западных тюркютов мог быть таким же, как и у восточных Ашина, т. е. можно говорить о распространении среди них в определенное время обряда трупосожжения.

Однако в местах обитания западных тюркютов, в степях Средней Азии, трупосожжения так и не были выявлены, что вовсе не означает полное их отсутствие. По наблюдениям А.К. Амброза, ситуация выглядит следующим образом: "Обширные курганные могильники, иногда до тысячи насыпей, расположены в горных, подчас трудно доступных долинах с прекрасными пастбищами на склонах и возможностями для земледелия внизу. Погребальный обряд в них – трупоположение в подкурганных катакомбах с дромосами или реже в подбойных могилах. Обычно их относят к I–V вв., а VI–VIII вв. датируют погребения с конем. Однако эти последние, имеющие соответствия в кудыргинской и катадинской группах Южной Сибири, следует датировать не ранее конца VII – VIII вв... Раскопки курганов показали сильное имущественное расслоение оставившего их населения ... Многие богатые курганы выделялись и размерами. В них обнаружены все виды оружия (мечи, палаши, стрелы, щиты, панцири, кольчуги...), богатая сбруя, золотые украшения с инкрустацией и зернью..." [Амброз, 1981, с. 10–23].

Несмотря на то, что в степях Средней Азии не были обнаружены богатые трупосожжения и связанные с ними поминальные сооружения VI–VII вв., у нас имеются основания связать именно с западными, а не восточными тюркютами богатые комплексы в степях Северного Причерноморья, но более позднего времени. Так, особый интерес представляет погребальный комплекс, исследованный В.А. Гринченко несколько десятилетий назад в степном Поднепровье возле с. Вознесенка. По наблюдениям исследователя, в центре комплекса находился замкнутый каменный вал в виде прямоугольника (82x51 м) с закругленной одной из меньших сторон. При раскопках площади внутри вала было обнаружено большое количество железных, бронзовых, серебряных и золотых вещей (наконечники стрел, стремяна, удила, пряжки, бляшки, накладки на оружие, литые изображения орла и льва и др.), сложенные в кучу и проткнутые тремя саблями. По наблюдениям В. А. Гринченко, большинство из обнаруженных вещей несут на себе

следы пребывания в огне. Все это дало основание автору раскопок рассматривать эту яму со сложенными вещами как погребение через трупосожжение, произведенное на стороне, а всю территорию каменного сооружения как место стоянки военного лагеря. На мысль о трупосожжении В. А. Гринченко натолкнули не только следы огня на предметах, но и остатки кремаций. Так, в ямах квадратов №№ 61 и 62 были обнаружены фрагменты обгоревших мелких костей, а на восточном вале в квадратах №№ 42 и 43 были обнаружены следы большого костра. Все это дало основание исследователю считать, что после сожжения умершего с сопровождающими вещами, «материал погребения, следует полагать, был разделен на две части: ценности и вещи были размещены в яму квадрата № 59; кости, а возможно, также и вещи, в яму квадратов № 61, 62». Кроме того, на территории данного погребального комплекса были обнаружены и несколько погребений по обряду ингумации: одно под камнями западного вала, а другое – на расстоянии 25–30 м на запад от каменного сооружения в подбье [Гринченко, 1950, с. 37–63].

Относительно происхождения и предназначения Вознесенского комплекса среди исследователей существуют различные мнения, среди которых наибольшей убедительностью и аргументацией отличается предположение А.К. Амброза и А. И. Айбабина. По их наблюдениям, подобный огражденный ровом и глинобитной стеной поминальный комплекс в 732 г. построили в Монголии в честь второго лица во Втором Тюркском каганате. Его площадь равнялась 1922 кв. м и на 12 кв. м была меньше Вознесенского. На монгольском памятнике в каркасном павильоне находились три обмазанные глиной жертвенные ямы для жертвоприношений, а к западу от него – стоящий на остатках кострища большой каменный жертвенник с отверстием. Исходя из этих аналогий, исследователи связали памятник с пребыванием тюрков [Амброз, 1981, с. 20; Айбабин, 1999, с. 178–179]. Однако у нас нет информации о находках кремаций на территории этого комплекса в Монголии, что отличает его от Вознесенского памятника, который мы можем охарактеризовать как погребально-поминальный комплекс.

Вознесенский комплекс, по мнению ряда исследователей, не является единственным в степи и лесостепи Северного Причерноморья. Аналогичный памятник был обнаружен исследован несколько десятилетий назад возле с. Глудоссы на Кировоградщине. В результате, удалось выяснить, что комплекс представлял собой

площадку размером 46x100 м., которую ограничивали две линии рвов длиной до 37 м, шириной 1,3–2,8 м и глубиной 0,7–1,1 м. В центре этой площади была обнаружена грунтовая яма диаметром более 1 м и глубиной 0,7 м. В ней же были обнаружены остатки трупосожжения и сопровождающий инвентарь, представленный как снаряжением воина-мужчины (предметы конского снаряжения, сабли, кинжалы, наконечники копий, золотые украшения оружия, поясные наборы и т. п.), так и вещами женщины (три комплекса золотых витых цепей с подвесками, браслеты, золотые серьги и т. п.). Среди находок следует также особо выделить византийские блюда, сасанидский кувшин, кубок со львом т.п. Исследователь памятника А.Т. Смиленко определила, что кальцинированные кости в погребальной яме были сложены в две кучи, что дало ей основания говорить о погребении военачальника и его жены [Смиленко, 1965]. Найденный инвентарь позволил исследователям датировать Глодосский комплекс как концом VII – началом VIII вв. [Смиленко, 1965, с. 49; Амброз, 1982, с. 220], так и серединой VII в. [Залесская, Львова, Маршак и др., 1997, с. 98]. Относительно же этнической принадлежности комплекса из Глодосс у исследователей не выработалось единого мнения, хотя многие согласны с тем, что памятники из Глодосс и Вознесенки были оставлены одной и той же группой населения [Приходнюк, 2001, с.41].

Говоря о распространении трупосожжений в Северном Причерноморье в период смены господства болгар хазарской экспансией в конце VII в., следует также вспомнить ситуацию со знаменитым Перещепинским "кладом", обнаруженном в 1912 г. под Полтавой юными пастухами. Проводивший опись находок Н.Е. Макаренко изначально отметил отсутствие на месте находки вещей каких-либо костей [Макаренко, 1912, с. 207–208]. Однако через 51 год один из пастухов неожиданно вспомнил о лежавших в 0,5 м от вещей в золе кусках черепа человека и чашечках голени [Залесская, Львова, Маршак и др., 1997, с. 108]. Поэтому остается только гадать, являлся ли Перещепинский комплекс таким же богатым трупосожжением, как Вознесенский и Глодосский, либо он действительно был кладом?

Несмотря на это, современные исследователи объединяют Вознесенский, Глодосский, Перещепинский, а также богатые комплексы и ингумационные погребения конца VII – начала VIII вв., обнаруженные возле Келегей, Новых Санжар, Ясиново,

Новогригорьевки, Раздольного, Васильевки, Суханова и т.п., в одну культуру, но при этом дают несколько различающуюся этническую атрибуцию этих памятников. Так, О.М. Приходнюк связывал все эти комплексы, за исключением Вознесенки и Глодосс, с протоболгарами. Что же касается Вознесенского и Глодосского комплексов, то исследователь не решился дать им этническое определение [Приходнюк, 2001, с. 41]. Однако А.И. Айбабин не согласен с подобной трактовкой и считает, что все эти памятники были оставлены хазарами. Данное предположение исследователя базируется на следующих аргументах: “Около 679 г. во владения сыновей Куврата вторглись хазары. В... письме хазарского царя Иосифа рассказывается о преследовании его предками болгар Аспаруха до самого Дуная. Тогда-то хазары захватили Приазовье и Северопричерноморские степи. Несомненно им и принадлежала археологическая культура, образовавшаяся в начальный период становления Хазарского каганата. Вероятно, в последней четверти VII – первые десятилетия VIII вв. ставка кагана располагалась в степях Поднепровья. В этот период именно там создали погребально-культовые комплексы кремированных правителей каганата. В начале второй хазаро-арабской войны 722–737 гг. резиденция кагана уже находилась в Варачане-Баланджаре, локализуемом в Прикаспии в районе Дербента” [Айбабин, 1999, с. 185]. Кроме того, А.В. Комар со своей стороны еще несколько лет назад высказался в пользу того, что такие комплексы как Вознесенка и Глодоссы имеют отношение к тюркютам, а именно “этническим хазарам” и находят свое продолжение в кремационных погребениях салтовской культуры [Комар 2000].

Высказанные гипотезы довольно интересны и убедительны, но находятся в явном противоречии с письменными источниками, которые не подтверждают того, что хазары хоронили своих правителей по обряду кремации. Так, Якут сообщает следующее: «... обычай [относительно] наибольшего царя [тот, что] если он умрет, то строится для него большой двор, в котором [имеются] двадцать домов, и в каждом из этих домов для него вырывается могила. Измельчаются камни настолько, что они делаются похожими на глазной порошок, и расстилаются в ней, и поверх этого накладывается негашенная известь. А под [этим] двором [имеется] река, и [эта] река большая, [быстро] текущая, и они помещают [проводят] эту реку над этой могилой и говорят: “Чтобы не добрался до нее ни шейтан, ни человек,

ни черви, ни насекомые". Когда он похоронен, то рубят шею тем, кто его хоронит, чтобы не было известно, в каком из домов [находится] его могила. Могила его называется рай, и говорят: "Он вошел в рай"» [Заходер, 1962, с. 216–217]. Кроме этих тайных захоронений, у хазар существовали царские могилы, которые являлись местом поклонения. Относительно таких погребений ал-Истахри сообщает, что никто не может проехать верхом мимо царской могилы, никто не садится на коня, пока не удалится на достаточное расстояние. Эту же информацию повторяют Ибн Хаукаль и Димашки [Заходер, 1962, с. 217]. Комментируя это, Б. Н. Заходер отметил: "В сообщении упомянутых авторов не указано точно, о каком из двух царей идет речь. Сравнение с рассказом Якута показывает, что речь в данном случае идет о могиле царя-заместителя" [Заходер, 1962, с. 217].

Необходимо отметить, что описание погребальных традиций хазар зафиксировали авторы X в., а это может означать, что более ранние погребальные традиции хазар нам неизвестны. Тем не менее, Мирхонд сохранил легенду, согласно которой в давние времена хазары бросали покойника в огонь под звуки песнопений и барабанов. При этом Мирхонд добавил: "Говорят, что этот обычай остался в тех странах по настоящее время" [Заходер, 1962, с. 150]. Таким образом, есть основания считать, что среди части хазар изначально практиковался обряд кремации, который впоследствии был заменен на обряд ингумации. Вопрос в том, кто из хазар практиковал кремацию?

В настоящее время большинство исследователей поддерживают гипотезу М.И. Артамонова, согласно которой основателем Хазарского каганата был представитель одной из ветвей западного каганского клана Ашина, а именно "преемник Иби-Шегуй хана, свергнутый с тюркютского престола, но нашедший себе убежище у хазар". М.И. Артамонов был склонен связывать воцарение каганов в Хазарии с гражданской войной в Западном Тюркском каганате в середине VII в. между племенными союзами дулу и нушиби, где последние поддерживали основателя Хазарского каганата [Артамонов, 1962, с. 170–171]. Однако неизвестна дальнейшая судьба этих племен.

В связи с этим особый интерес представляет описание хазаро-болгарской войны второй половины VII в., которое содержится в Пространной редакции Письма Иосифа: «...когда мои предки были еще малочисленны... Они вели войну за войной со многими народами, которые были могущественнее и сильнее их. С помощью

божией они прогнали их и заняли их страну, а некоторых из них заставили платить день до настоящего дня. В стране, в которой я живу, жили прежде В-н-т-р'ы. Наши предки, хазары, воевали с ними. В-н-т-р'ы были более многочисленны, так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами. Они оставили свою страну и бежали, а те преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени "Дуна". До настоящего дня они расположены на реке "Дуна" и по близости от Кунстандины, а хазары заняли их страну до настоящего дня» [Коковцов, 1932, с. 92]. Однако не понятно, почему хазары в конце VII в. смогли победить болгар-В-н-т-р'ов? Это можно объяснить лишь ростом количества племен, вошедших в состав хазарской племенной конфедерации, что могло быть вызвано новой значительной миграцией населения, ибо часть одного племени западных Ашина не могла в значительной степени усилить военные силы хазар.

Этой значительной военной силой для хазар могли стать племена западных тюркютов. В то время, как представитель одной из ветвей западного каганского клана Ашина, поддерживаемый племенной группировкой нушиби, нашел себе убежище у хазар [Артамонов, 1962, с. 170–171], значительная часть "десятистрельного" тюркского народа, в основном из конфедерации дуло, продолжала находиться в степях Средней Азии. По мнению С.Г. Кляшторного, "межплеменная война и династийная борьба продолжавшаяся последующие 17 лет (640–657 гг.), привели в конце концов к вторжению в Семиречье китайских войск". При этом последний правитель западных тюрков Нивар Ышбари-ябгу-каган (Ашина Хэлу китайских источников) попал в плен к Танами. В результате этого сокрушительного поражения земли Западного Тюркского каганата попали под контроль Танской империи [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 98]. В данном случае обращают на себя внимание даты: 657 г. – окончательный разгром Танами Западного Тюркского каганата; около 679 г. – хазаро-болгарская война в Северном Причерноморье. Думается, что для значительной части племен западных тюркютов было достаточно времени, чтобы мигрировать на запад и принять верховенство самого западного представителя династии Ашина – хазарского кагана. Известно, что последний каган западных тюркютов Нивар Ышбари-ябгу-каган попал в плен к китайцам в 657 г., где и умер через два года в 659 г. [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 98]. Однако возникает вопрос: что же случилось

с его племенем или, точнее, с частью племени западных Ашина, которые оставались в Центральной Азии? Логичней полагать, что после смерти кагана эта часть племени Ашина должна была мигрировать с другими тюркютами на запад, где соединилась с хазарскими Ашина. Именно с этой миграцией тюркютов, как нам представляется, следует связывать появление в степях Северного Причерноморья Вознесенского, Глоссоского, Перещепинского, Келегейского, Ново-Санжарского, Ясиновского, Новогригорьевского и других богатых комплексов.

До сих пор исследователи не пришли к единодушному мнению, что собой представлял погребальный обряд хазар в разные периоды времени. Так, М.Г. Магомедов связал с пребыванием хазар в VII–VIII вв. в Дагестане, а именно в Верхнем Чирюрте, богатые погребения в катакомбах под курганными насыпями, где дромосы были забутованы камнем [Магомедов, 1983, с. 61–94]. Как уже отмечалось, А.И. Айбабин связал с пребыванием хазар в Северном Причерноморье совершенные как по обряду кремации, так и ингумационные богатые погребения и поминальные комплексы последней четверти VII – первых десятилетий VIII вв. [Айбабин, 1985; Айбабин, 1999, с. 185]. В последнее время получила распространение гипотеза, согласно которой с хазарским этносом следует связывать обнаруженные в степях Волго-Донья раннесредневековые “курганы с квадратными ровиками” [Афанасьев, 2001, с. 52–53; Флерова, 2001]. При этом круг гипотез археологической атрибуции этнических хазар далеко не исчерпан. Следует отметить, что те, кто выдвигает эти предположения, оперируют довольно убедительными доказательствами: сведения письменных источников о пребывании в отмеченных районах хазар; центрально-азиатские аналогии восточноевропейским памятникам; богатство погребального инвентаря и т.п. Тем не менее, проблема культурной атрибуции этнических хазар до сих пор остается открытой.

В связи с этим имеет смысл обратиться к наблюдению Б.Н. Заходера, который считал, что “на более правильном пути находятся исследователи, усматривающие под названием хазар сложное соединение различных племен и народов” [Заходер, 1962, с. 137]. Доказательством неоднородности хазар может являться сообщения ал-Истахри, который в X в. о хазарах писал: «Хазары не похожи на тюрк; они черноволосы и их две разновидности; [одна] разновидность называется *кара-хазар*; они из-за своей

смуглости по черноте напоминают разновидность индийцев; [вторая] разновидность “белые” выделяется приятной наружностью и красотой» [Istahri, 1870, p. 223; Караулов, 1901, с. 48–49]. Аналогичную информацию повторяют Ибн Хаукаль [Ibn Haukal, 1939, p. 294], Йакут, Закарийа Казвини, Ибн Ийас, Хаджжи Халифа [Заходер, 1962, с. 137–138], Абу-л-Фида [Aboulfeda, 1848, p. 303]. Если отбросить гипотезы исследователей, буквально трактующих сообщение ал-Истахри с расовых позиций, то наше внимание могут привлечь подходы тех ученых, которые вкладывают в сообщение ал-Истахри как социальный, так и этнический аспекты, зачастую связывая два этих фактора.

Так, П. Голден считал, что термин **кара-хазар** мог представлять собой скорее политическую группировку, чем этническую группу. По мнению исследователя, ал-Истахри никогда не бывал в Хазарии и поэтому мог придать полученной информации расовый подход. В результате термин **кара-хазар** (черные хазары) П. Голден склонен был рассматривать как “хазарские массы”, а не знатные [Golden, 1980, p. 143]. Со своей стороны М. И. Артамонов считал сведения о “черных и белых” хазарах свидетельством того, что в среде хазар существовали “социальные категории”, которые соответствуют известной в тюркском обществе градации, где “черные” содержали в себе указание на зависимую, облагаемую налогами группу населения. В соответствии этому термин “белые” исследователь предложил рассматривать как указание на то, что его носители представляли собой свободную, независимую группу населения [Артамонов, 1962, с. 400]. Социальное значение названиям “черные” и “белые” хазары придавал также Б.Н. Заходер, который отнес “черных” хазар к простому народу, а “белых” – к знати. Кроме того, он предположил, что “белыми” хазар могли называть и потому, что они обитали на левом, западном берегу Итиля, исходя из того, что многие тюрки традиционно обозначали запад белым цветом. Несмотря на это, Б.Н. Заходер отдавал предпочтение той гипотезе, согласно которой существование “белых” и “черных” хазар может свидетельствовать о том, что в их этногенезе принимали участие различные родо-племенные группы. В “белых” хазарах исследователь склонен был видеть потомков прототюрков, язык которых, по его мнению, должен была быть близкородственным чувашскому [Заходер, 1962, с. 138–139, 142, 144, 194–195].

О том, что хазары в этническом плане были неоднородны, могут

свидетельствовать также данные мусульманских авторов о языке хазар. Так, ал-Истахри сообщает, что язык хазар не походит ни на тюркский язык, ни на язык персидский, ни на какой-либо другой известный язык. Однако тот же ал-Истахри далее сообщает, что язык болгар походит на язык хазар. Эти же сведения подтверждает Ибн Хаукаль. Информацию о несхожести хазарского языка с тюркским и другими известными языками сообщают также ал-Бакри, Йакут и некоторые другие мусульманские авторы [Заходер, 1962, с. 135–137].

Таким образом, мы можем отметить ситуацию, в соответствии с которой хазарский этнос образовался в результате завоевания одним этносом других этнических групп и племен. В связи с этим имеет смысл вспомнить концепцию академика А.Е. Крымского относительно событий, в результате которых образовался хазарский этнос. Известный украинский востоковед считал, что VII в. господствующее положение среди туземцев Северо-Восточного Прикаспия – хазар заняли пришельцы-тюрки и в результате этого "получили некоторые национальные изменения, безусловно, не только тюрки, но и хазары". А.Е. Крымский считал, что "в конце-концов верх взяла ассимиляторская сила хазарского большинства" [Кримский, т. II, с. 51–55]. К этому следует добавить предположение М.И. Артамонова, согласно которому во главе этих пришельцев находились представители клана Ашина, которые и возглавили Хазарский каганат [Артамонов, 1962, с. 170–171].

Следовательно, хазарский этнос после событий VII в. представлял собой сложную конфедерацию племен, где этнические признаки тесно переплелись с социальными факторами. Так, верхушка общества состояла из представителей харизматического рода Ашина с той частью одноименного каганского племени, которое ушло с ними из Центральной Азии в Восточную Европу. Естественно, наиболее высокий социальный статус в хазарском обществе должен был принадлежать также хазарским тюркютам, которые представляли собой, в первую очередь, потомков племенной конфедерации нушиби. Более низкий социальный статус должны были занимать племена собственно хазар, т. е. потомков тех кочевников, которые поселились в Прикаспийском Дагестане еще в VI в. Перед нами типичная для кочевых обществ ситуация. Следовательно, разнородность хазарских племен должна была обусловить и различия в погребальном обряде хазар. При этом

сравнительный анализ с традициями восточных тюркютов, которые еще до начала VII в. сжигали своих каганов, позволяет считать, что в среде каганского племени западных тюркютов также должен был иметь распространение обряд кремации. Следовательно, кремации возле Вознесенки и Глодос оставили представители каганского племени. Об этом может свидетельствовать исключительное богатство инвентаря. Особый интерес должна представлять дальнейшая судьба этого каганского племени.

Имеются основания согласиться с тем мнением, согласно которому в начале VIII в., в разгар хазаро-арабских войн, резиденция кагана уже находилась в Варачане-Баланджаре, локализуемом в Прикаспии недалеко от Дербента [Айбабин, 1999, с. 185]. Не известно, находилось ли тогда с каганом его племя. Однако мы знаем, что в Итиле, куда перенесли столицу хазар после арабо-хазарских войн, каган находился лишь со своим родом. Так, ал-Масуди сообщает, кто в хазарской столице исповедует иудаизм, и при этом мусульманский автор называет именно род (джинс) "хакана", которого путает с царем-заместителем, но не вспоминает о его племени [Минорский, 1963, с. 193, 195]. Очень трудно представить, чтобы самое знатное кочевое племя хазарской конфедерации могло без каких-либо проблем покинуть плодородные степи Приазовья и переселиться в Дагестан, а потом остаться в хазарской столице на Волге. Нам кажется, что процесс оседания племени кагана был долгим и мучительным и поэтому племя кагана постепенно оказалось втянутым в процессы, которые происходили на территории Восточной Европы уже после поражения хазар в последней хазаро-арабской войне 737 г.

Исследователи единодушно считают, что хазарская верхушка после последнего поражения от арабов-мусульман навсегда изменила южную направленность своей экспансии на северную. В результате, состоялись переселения аланов-асов и других этнических групп с Северного Кавказа в лесостепное Подонье уже в первой половине VIII ст., что находит подтверждение не только в вещевых комплексах, но и в нумизматическом материале [Иченская, 1982]. В связи с этим особый интерес представляет выдвинутая А.В. Гадло и поддержанная многими современными исследователями гипотеза, в соответствии с которой аланы переселились из Северного Кавказа в лесостепное Подонье не стихийно, а это было инспирировано хазарским правительством

[Гадло, 1984, с. 26]. Это, прежде всего, были выходцы из Западной Алании – Асии, которая отличалась определенным сепаратизмом. Итак, переселяя аланов-асов в северо-западные районы Хазарского каганата, хазары стремились решить две задачи: во-первых, ослабить на Северном Кавказе западную группировку аланов-асов; во-вторых, с помощью аланов-асов укрепить свои военно-политические позиции среди местных славянских племен, которые должны были стать данниками хазар. Политика переселений является довольно типичной для имперских формирований, к числу которых принадлежало Хазарское государство во времена своего расцвета. Однако вопрос в том, как хазарское руководство могло контролировать на расстоянии аланов-асов, которые отличались сепаратизмом?

Причины этих действий хазарского правительства, по мнению О.В. Сухобокова, имели сугубо экономический характер [Сухобоков, 1992, с. 62–63]. По наблюдениям О.В. Сухобокова, процесс установления хазарского господства над славянскими племенами имел постепенный характер и нашел свое отражение в археологическом материале. Так, к середине VIII в. расположенное близ современного г. Сумы на р. Псел Битицкое городище представляло собой „единственное среди волынцевских памятников укрепленное поселение, которые в целом имеют открытый характер” [Сухобоков, 1998, с. 63]. Тем не менее, как отметил исследователь: „Со второй половины – конца VIII в. открытые поселения северян волынцевского этапа всюду изменяются на укрепленные; изменяется и топография поселений, будучи подчиненной задачам обороны... В этом явлении нельзя не видеть действия фактора внешней опасности, что был привнесен появлением воинствующих соседей” [Сухобоков, 2004, с. 168–170]. „Однако это, – указал далее О.В. Сухобоков, – не помешало хазарам распространить свою власть на северян, радимичей, вятичей и полян” [Сухобоков, 1998, с. 67].

Необходимо отметить достаточно интересную ситуацию в местах расселения аланских и болгарских племен в бассейне Северского Донца и Дона. Вдоль почти всего течения Северского Донца как в лесостепи, так и степи, а также на север от расположения памятников салтовской культуры получила распространение цепь салтовских крепостей. Исследователи это объясняют тем, что подданные хазарских правителей – алано-

болгары оберегали с запада границы Хазарского каганата от нападений кочевников – мадьяр и печенегов, а с северо-запада – славянских племен. При этом алано-болгары хазарских крепостей были тотально вооружены, а на сопредельных славянских землях погребения с оружием не встречаются. По поводу этого можно полностью согласиться с мнением Г.Е. Афанасьева, что данная ситуация “отражает представление хазарского политического руководства о границах хазарского домена” [Афанасьев, 2001, с. 51]. А это означает, что славяне испытывали давление со стороны хазарских федератов – алано-болгар, но проживали по другую сторону границы Хазарского каганата, то есть земли полян, северян, радимичей и вятичей не входили непосредственно в состав Хазарского каганата.

Понаблюдениямисследователей, вХазарскомкаганатесоздалась своеобразнаяполитическаясистема, гдегосподствующееположение занял хазарский этнос, во главе которого были знатные хазарские роды, из которых господствующими были роды кагана и бека-царя. Это нашло определенное отражение ина административной системе Хазарского каганата. По мнению современных исследователей, территорию каганата VIII–X ст. можно разделить на два региона, которые имели особый административный и политический статусы: 1) собственно Хазария – земли Дагестана и Нижней Волги, которые принадлежали непосредственно хазарской верхушке и кочевым племенам, слившимся с хазарами; 2) территории, населенные народами, правители которых было вассалами хазарского кагана [Гадло, 1984, с. 27; Новосельцев 1990, с. 143]. При этом к числу вассальных народов следует отнести алано-болгар лесостепного и степного Подонья. Кроме того, под контролем хазарских правителей находились зависимые земли, которые не входили в состав собственно Каганата, но правители которых признавали сюзеренитет хазарского кагана. В состав этих зависимых территорий можно отнести владения восточнославянских племенных союзов – вятичей, радимичей, полян и северян.

Что же касается зависимых от хазар территорий, управляемых местными правителями, то следует отметить, что хазары назначали туда своих представителей центральной власти, которых называли **тудун**, или **булшици** [Новосельцев, 1990, с. 143]. Очевидно, эти представители власти контролировали, прежде всего, выплату дани подвластными народами. К числу повинностей зависимых

от хазар народов следует отнести также воинскую службу. При этом войска Хазарского каганата формировались по этническому признаку, и ополчение набиралось из подчиненного населения принудительно. Есть основания считать, что для обозначения правителей подвластных народов хазары, как и тюркюты, использовали титул **ельтебер**. Итак, ельтебер аланов должен был осуществлять по приказу хазарских правителей сбор дани из зависимых от каганата владений полян, северян, радимичей и вятичей. Именно это предусматривало присутствие на местах представителей хазарской администрации. В свое время О.В. Сухобоков выделил на землях северян Битицкое городище, которое, по его наблюдениям, в хазарский период принадлежало к числу "хазарских пунктов для сбора дани с покоренных племен" [Сухобоков, 2004, с. 171]. Кроме того, у нас нет ни одного упоминания письменных источников о хазарском тудуне в Киеве, что позволяет считать, что земли полян в хазарской административно-политической системе имели такой же статус, как и владения северян. Однако до сих пор не ясно, где в бассейне Северского Донца находилась ставка хазарского тудуна, который должен был контролировать действия правителей-ельтеберов местных аланов и болгар?

В исторической литературе существует мнение, что сами хазары не принимали непосредственного участия в покорении славянских племен, а осуществляли это с помощью алано-болгарских племен бассейна Северского Донца [Плетнева 1967; Плетнева 1989]. А это позволяет поддержать мнение А.А. Тортики, согласно которому в „Повести временных лет” и в устной традиции эти аланы были сокрыты под обобщающим названием „Козарь” [Тортика, 2007, с. 21]. Однако, если название хазар распространялась на аланов и болгар бассейна Северского Донца, то это может лишь означать, что этнические хазары должны были постоянно находиться в их среде. Однако археологически в том регионе памятники хазар еще не выделены, тогда как с аланами связывают катакомбы верхнесалтовского типа, а с болгарами – грунтовые погребения зливкинского типа. Однако при этом остаются этнически неатрибутированы салтовские трупосожжения, эталонными из которых являются находки из Сухой Гомольши.

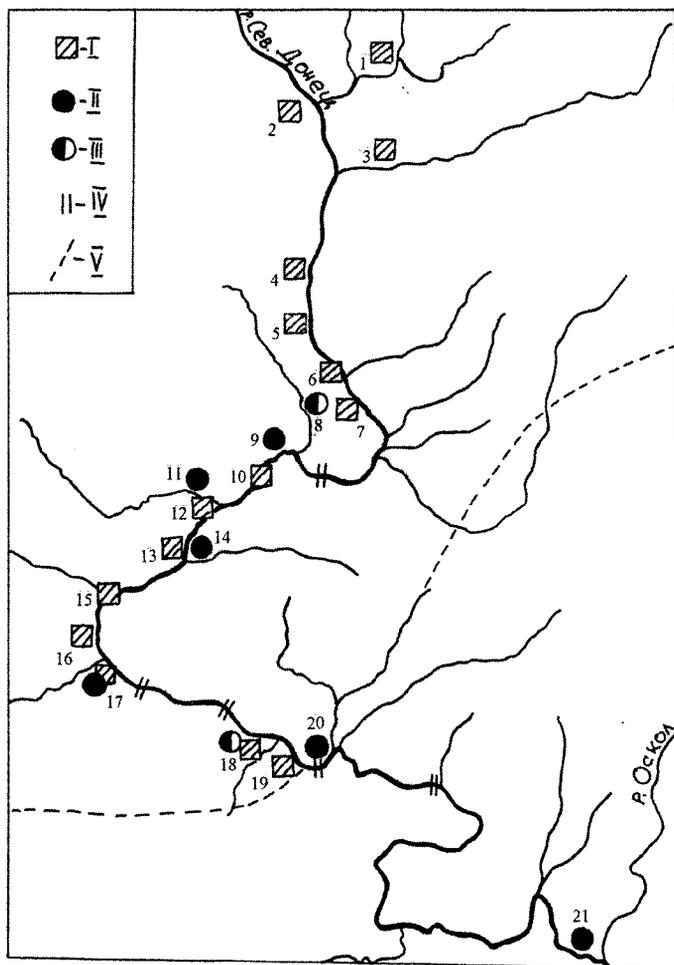

Рис. 2. Памятники салтовской культуры бассейна Северского Донца:

- I – городища, II – кремационные могильники и отдельные погребения по обряду трупосожжения, III – биритуальные могильники, IV - брод, V – южная граница лесостепи;
- 1 – Дмитриевское, 2 – Архангельское, 3 – Волчанск, 4 – Верхний Салтов, 5 – Старый Салтов, 6 – Кодковское, 7 – Гумниня, 8 – Пятницкое, 9 – Кочеток, 10 – Чугуев, 11 – Новая Покровка, 12 – Эсхар, 13, 14 – Мохнач, 15 – Змиёв, 16 – Коробовы Хутора, 17 – Сухая Гомольша, 18 – Красная Горка, 19 – Червоная Гусаровка (Меловое), 20 – Лысый Горб, 21 – Бондариха

Исходя из сказанного, мы имеем веские основания поддержать мнение А.В. Комара, согласно которому такие комплексы как Вознесенка и Глоссосы имеют отношение к тюркютам, а именно “этническим хазарам” и находят свое продолжение в кремационных погребениях салтовской культуры [Комар 2000]. К этому следует добавить, что хазарский каган мог поручить контроль над вассальными племенами аланов и болгар на далеких от столицы землях лишь самому надежному, самому знатному тюркютскому племени. Стало быть, в крепости Сухая Гомольша могла располагаться ставка хазарского тудуна, которая как раз и находилась между владениями аланов, носителей катакомбной традиции погребения, и территориями болгар, носителей “зливкинской” традиции ингумационных захоронений в грунтовых ямах. Следует отметить, что одновременное появление во второй половине VIII в. кремационных погребений салтовской культуры на северо-западе Хазарского каганата в Сухой Гомольше и на юго-западе Каганата в Дюрсо может лишь свидетельствовать о том, что хазарский каган стремился силами одного самого надежного племени хазарских тюркютов поставить под контроль ситуацию на самых беспокойных рубежах Хазарского государства. Очевидно, как это принято в тюркютской традиции, эти две группы близкородственного населения представляли собой правое и левое крыло одного племени.

В подтверждение предложенной гипотезы хочется отметить, что аналогичная ситуация с распространением кремационных погребений и этнического наименования “хазары” наблюдается и на Северо-Западном Кавказе. Как уже отмечалось, трупосожжения типа Дюрсо появились на Северо-Западном Кавказе в VIII–IX вв. [Дмитриев, 2001, с. 200–205]. В этом же районе и в послехазарский период, буквально до XIV в., продолжали бытовать трупосожжения, которые уже в новых условиях стали совершать под курганными насыпями [Армарчук, Дмитриев, 2003, с. 216]. И весьма характерно, что даже последние упоминания о хазарах на восточном побережье Черного моря также относятся именно к этому времени.

Так, “Повесть временных лет” упоминает о хазарах из Тмутаракани в связи с событиями 1023 (6531) г. [Ипатьевская летопись, 1843, с. 265], 1079 (6587) г. [Повість врем’яних літ, 1990, с. 314–315] и 1083 (6591) г. [Воскресенская летопись, 1856, с. 3]. Кроме того, в XII в. арабский географ ал-Идриси в своем сочинении “Нузхат ал-муштак

фи ихтирак ал-афак” (“Отрада страстно желающего пересечь мир”) указал на нахождение страны хазар на восточном берегу Черного моря (Нитас) [Коновалова, 2006, с. 108]. Дальнейшую информацию о судьбе хазар в данном районе могут дать сведения Плано Карпини, относящиеся к первой половине XIII в. Характерно, что в одном из своих списков народов Плано Карпини поместил хазар среди народов Западного Кавказа: “С юга же к Комании прилегают Аланы, ЧиркаССы, Хозары, Греция и Константинополь, также земля Иберов, Кахи, Брутахии, которые слывут иудеями – они бреют голову, – также земля Цикков, Георгианов и Арменов и земля Турков” [Карпини, 1957, с. 57]. Однако данная тема заслуживает отдельного рассмотрения.

Если принять гипотезу о нахождении хазарских тюркютов в бассейне Северского Донца, то с ними, скорее всего, следует связывать ту часть салтовских кремаций, для которых характерно присутствие рядом с могильными ямами “тайничков” и, возможно, кремации в ямах вытянутых очертаний, ориентированных по линии восток-запад. Эти погребения отличает от других салтовских захоронений по обряду трупосожжения и состав погребального инвентаря, в котором значительное место отводится предметам вооружения, конскому снаряжению, а также наличие складных серпов, железных пинцетов, железных котлов, вилок для доставания мяса из котла, шампуров [Аксенов, Михеев, 2006, с. 145]. Таких погребений среди салтовских кремаций бассейна Северского Донца не так уж и много, но места концентрации данного населения в регионе достаточно показательны (Рис. 2). Так, могильник Лысый Горб и биритуальный некрополь Красная Горка расположены рядом с хорошо известными и в более позднее время бродами через Северский Донец на границе степи и лесостепи. Некрополь Сухая Гомольша расположен также недалеко от брода через Северский Донец и рядом с местом впадения в Северский Донец речки Сухая Гомольша, исток которой находился в землях славян. Все это вполне согласуется с тем положением, какое занимали хазарские тюркюты в политической, военной и социальной структуре Каганата. К этому следует добавить, что вторым этническим компонентом среди жителей Сухой Гомольши и близких к ним территориально групп населения бассейна Северского Донца могли быть славяне из лесостепного Поднепровья, о чем может свидетельствовать близость некоторых керамических изделий из Сухой Гомольши, а также

из кремаций Дмитриевского могильника, с посудой Пастырского городища. Очевидно, во время своих рейдов в Поднепровье воины хазар-тюркютов, а возможно и части аланов, стремились пополнять свою нехватку женщин за счет местных славянок. Причем это могло происходить неоднократно. Это мы можем наблюдать в различных кочевых обществах, где происходил переход от кочевого подвижного образа жизни к оседлости (например, в конце IX – X вв. венгры в Паннонии также брали себе жен из числа местных славянских женщин).

Нам кажется, что идея соотнесения значительного количества кремационных погребений салтовской культуры с частью хазар позволяет ответить на многие вопросы, касающиеся этнической истории Хазарского каганата и, конечно же, в дальнейшем требует определенной доработки и конкретизации.

Литература

Айбабин А.И. Погребение хазарского воина // СА. 1985. № 3.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Аксенов В.С., Воловик С.И. Новый салтовский могильник в верхнем Подонечье // Донская археология. № 3–4. Ростов-на-Дону, 1999.

Аксенов В.С. К вопросу интерпретации некоторых комплексов Маяцкого селища // Проблеми історії та археології України. Харків, 2003.

Аксенов В.С. Сидяче поховання з аланського катакомбного могильника біля с. Верхній Салтів // Археологічний літопис Лівобережної України. 2003. № 2.

Аксенов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. "Сухогомольшанский могильник VIII–X вв." // Хазарский альманах. Т. 5. Киев–Харьков, 2006.

Аксенов В.С., Лаптев А.А. К вопросу о славяно-салтовских контактах (на примере катакомбы № 93 могильника у с. Верхний Салтов) // Древности 2009. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2009.

Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Москва, 1981.

Амброз А.К. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов. Москва, 1982.

Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV – XIII вв. Москва, 2003.

Артамонов М.И. История хазар. Ленинград, 1962.

Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. Москва, 1987.

Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства // Российская археология. 2001. № 2.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. Москва–Ленинград, 1950.

Буйнов Ю.В., Дьяченко А.Г., Шрамко Б.А. Работы на новостройках Харьковской обл. // Археологические открытия. 1977. Москва, 1978.

Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. VII. Санкт-Петербург, 1856.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Древности и памятники VIII–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV – XIII вв. Москва, 2003.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X – XIII вв. Санкт-Петербург, 1994.

Грач А.Д. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии // История, археология и этнография Средней Азии. Москва, 1968 / <http://kronk.narod.ru/library/grach-ad-1968.html>

Грінченко В.А. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі // Археологія. Т. 3. Київ, 1950.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. Москва, 1967.

Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV – XIII вв. Москва, 2003.

Дмитриев А.В. К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII – начала IX века в районе Новороссийска-Геленджика. 2009 / <http://www.nasledie.org/v3/ru/?action=view&id=127163>

Залеская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фоянкова Н.А. Сокровища хана Кубрата (Перещепинский клад). Санкт-Петербург, 1997.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. Т. I. Москва, 1962.

Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. Санкт-Петербург, 1843.

Иченская О.В. Особенности погребального обряда и матировка некоторых участков Салтовского могильника // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982.

Караулов Н.А. Сведения арабских географов о Кавказе // СМОМПК. Т. XXXII. Тифлис, 1901.

Каргер М.К. Древний Киев. Москва–Ленинград, 1958.

Карпини П. История монгалов // Карпини П. История монголов. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. Москва–Ленинград, 1957.

Кляшторный С.Г., Султанов Г.И. Государства и народы евразийских степей в древности и средневековье. Санкт-Петербург, 2000.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Древней Евразии. Санкт-Петербург, 2005.

Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Ленинград, 1932.

Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. Москва, 2006.

Кримський А.Ю. Хазари. Т. II. // Інститут рукописів Національної бібліотеки ім. В. Вернадського НАН України. Ф. XXXVI. № 65.

Комар А.В. Ранние хазары в Северном Причерноморье (постановка проблемы) // Восточноевропейский археологический журнал. 2000. № 3 (4) / <http://archaeology.kiev.ua/journal/030500/komar.html>

Кухаренко Ю.В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. Т. XLI. Москва, 1951.

Кухаренко Ю.В. Новопокровський могильник і поселення // Археологія. Т. 6. Київ, 1952.

Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. Москва, 1983.

Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907–1909 гг. // ИАК. 1911. № 43.

Макаренко Н.Е. Перещепинский клад // ИАК. Вып. 46. Санкт-Петербург, 1912.

Менандр. Продолжение истории Агафиевой // Византийские историки / Пер. с греч. С. Дестуниса. Санкт-Петербург, 1860.

Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. Москва, 1963.

Михеев В.К. Раскопки Сухогомольшанского комплекса // АО. 1973. Москва, 1974.

Михеев В.К. Продолжение раскопок Сухогомольшанского комплекса // АО. 1974. Москва, 1975.

Михеев В.К. Раскопки Сухогомольшанского могильника // АО. 1975. Москва, 1976.

Михеев В.К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // СА. 1982. № 2.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.

Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник // СА. 1986. № 3.

Міхєєв В.К., Приходнюк О.М. Пеньківське поселення на Сіверському Дінці // Археологія. Т. 54. Київ, 1986.

Михеев В.К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья – Приазовья в VIII–X вв. (Ч. 1) // Археология славянского Юго-Востока. Материалы к межвузовской научной конференции. Воронеж, 1991.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. Москва, 1990.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. 1967. № 142.

Плетнева С.А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья // Новое в археологии. Москва, 1972.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. Москва, 1989.

Повість врем'яних літ. Літопис (за Іпатським списком). Київ., 1990.

Приходнюк О.М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). Київ – Чернівці, 2001.

Приходнюк О.М. Пастирське городище. Київ – Чернівці, 2005.

Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей. Тезисы докладов юбилейной конференции. 25 – 27 июля 1996 г. Керчь, 1996.

Пьянков А.В. Касоги/касахи/кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001.

Саханев В.Б. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // Известия Археологической комиссии. Т. 56. Москва, 1914.

Сміленко А.Т. Глодоські скарби. Київ, 1965.

Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. (за матеріалами археологічних досліджень). Київ, 1992.

Сухобоков О.В. Хозари і слов'яни у північнопричорноморському лісостепу // Південна Україна: проблеми історичних досліджень. Ч. 1. Миколаїв, 1998.

Сухобоков О.В. Тюркомовні народи в історії населення лівобережноріпрованської лісостепової України (археологічний аспект) // Хазарський альманах. Т. 3. Київ – Харків, 2004.

Тортіка О.О. Алано-болгарське населення Північно-Західної Хозарії в етносоціальному та геополітичному просторі півдня Східної Європи. Автореф. дис. ... доктора іст. наук. Харків, 2007.

Флерова В.Е. Хазарские курганы с ровиками: Центральная Азия или Восточная Европа? // Российская археология. 2001. № 2.

Шрамко Б.А. Погребения VIII – X вв. у с. Пятницкое в Харьковской области // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983.

Aboulféda. Géographie. Traduite de l'Arabe en Français. L. II. Paris, 1848.

Bacot J. Reconnaissance en Haute Asie Septentrionale par cinq envoyés ouïgors au VIII siècle // Journal Asiatique. 1956. Vol. 254.

Clauson G. A propos du manuscrit Pelliot tibétain 1283 // Journal Asiatique. 1957 (extrait). Vol. 255. № 1.

Golden P.B. Khazar studies. Vol. I. Budapest, 1980.

Ibn Haukal. Opus Geographicum/ Primum edidit M. J. de Goeje. Pars Secunda. Leiden, 1939.

al-Istahri Abu Ishak al-Farisi. Viae Regnorum. Descriptio Ditionis Moslemicae/ Edidit M. J. de Goeje. Pars Prima. Leiden, 1870.

Malinowski A., Michejew W. Suchogomolszanski zespók osadniczy w święte danyh archeologii i antropologii // Źródła do badań Biologii i historii populacji słowiańskich. Poznań, 1981.

О.Б. Бубенок (Київ), В.С. Аксьонов (Харків)

Хто жив у Сухій Гомольші в хозарський час?

Резюме

Дану статтю присвячено проблемі походження трупоспалень салтівської культури в басейні Сіверського Дінця, еталонним з яких є кремаційний могильник поблизу с. Суха Гомольша, що має безпосереднє відношення до фортеці і поселення хозарського часу в тому ж районі. Порівняльний аналіз археологічного матеріалу дозволив виявити аналоги як на Північно-Західному Кавказі

(синхронні могильники Борисовський, Дюрсо тощо) та в Північному Причорномор'ї (поховальні комплекси кінця VII – VIII ст. біля Вознесенки і Глодосс), так і в Центральній Азії, але часів Першого Тюркського каганату. Аналіз політичної ситуації дозволив пов'язати трупоспалення Східної Європи раннього хазарського часу з одним із племен західних тюркютів, які у VIII ст. могли бути переселені хазарською адміністрацією зі степів у лісостепове Подоння і на Північно-Західний Кавказ для контролю над ситуацією на північно-західних і південно-західних кордонах Хазарського каганату. У результаті, могли виникнути поселення і кремаційні могильники в Сухій Гомольші і Дюрсо. Другим етнічним компонентом серед населення Сухой Гомольші могли бути слов'яни із лісостепового Подніпров'я, про що може свідчити близькість деяких керамічних виробів із Сухой Гомольші з посудом Пастирського городища передхазарського часу.

О.Б. Бубенок (Київ), В.С. Аксенов (Харьков)

Кто обитал в Сухой Гомольше в хазарское время?

Резюме

Настоящая статья посвящена проблеме происхождения трупосожженной салтовской культуры в бассейне Северского Донца, эталонным из которых является кремационный могильник вблизи с. Сухая Гомольша, имеющий непосредственное отношение к крепости и поселению хазарского времени в том же районе. Сравнительный анализ археологического материала позволил выявить аналогии как на Северо-Западном Кавказе (синхронные могильники Борисовский, Дюрсо и т.п.) и в Северном Причерноморье (погребальные комплексы конца VII – VIII вв. близ Вознесенки и Глодосс), так и в Центральной Азии, но времен Первого Тюркского каганата. Анализ политической ситуации позволил связать трупосожжения Восточной Европы раннего хазарского времени с одним из племен западных тюркютов, которые в VIII в. могли быть переселены хазарской администрацией из степей в лесостепное Подонье и на Северо-Западный Кавказ для контроля над ситуацией на северо-западных и юго-западных границах Хазарского каганата. В результате, могли возникнуть поселения и кремационные могильники в Сухой Гомольше и Дюрсо. Вторым этническим компонентом среди населения Сухой Гомольши

могли быть славяне из лесостепного Поднепровья, о чем может свидетельствовать близость некоторых керамических изделий из Сухой Гомольши с посудой Пастырского городища предхазарского времени.

O. Bubenok (Kyiv), V. Aksenov (Kharkiv)

Who did live in Sukhaya Gomolsha at the Khazar times?

Summary

This article is dedicated to the problem of origin of Saltov culture cremations in Siverskiy Donets basin where the cremation cemetery, fortes and settlement were located near Sukhaya Gomolsha. According to the data of comparative analysis of Archeological materials, the similar cemeteries were founded in the Northern Western Caucasus (synchronous cemeteries Borisovskiy, Diurso) and Northern Black Sea steppes (end of the 7-th century – beginning of the 8-th century AD, Voznesenka and Glodoses) and also in Central Asia but during the First Turk kaganate times. The analysis of political situation gives the arguments to expect that the Saltov culture cremations were connected with one Western Turkut tribe who were replaced by the Khazar rulers in 8-th century AD from steppes to the Done basin and Northern Western Caucasus for the control under situation on the Northern Western and Southern Western borders of the Khazar kaganate. As a result the settlements and cremation cemeteries were founded in Sukhaya Gomolsha and Diurso. The second ethnic component into Sukhaya Gomolsha population could be the Slaves from Dniپر basin because some ceramics from Sukhaya Gomolsha and Pastyр fortes are similar.